

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 330.8

DOI: 10.26456/2219-1453/2023.2.256–274

«В ЛОВУШКЕ ПОЗИТИВНОСТИ» ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНОГРАФИИ ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВИЧА ФЕДОРОВА «ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СТИМУЛОВ» ЧАСТЬ II

Л.А. Карасёва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

В «Вестнике ТвГУ, Серия: Экономика и управление» №4, 2022 г. была опубликована I часть Презентации книги В.П. Федорова «Общая теория стимулов» [4], состоящая из анализа трех первых глав, имеющих принципиальное отношение к пониманию пути прихода к выдвигаемой В.П. Федоровым гипотезы *мультимодального синтеза, как направления развития экономической науки*. В данном материале представлена II часть реферативного обзора Книги, цель которого – обратить внимание научной общественности на работу, в которой сделана попытка предложить расширение предмета экономической теории. Это тем более актуально и важно в качестве вклада в развернувшуюся на современном этапе дискуссию о предмете и содержании экономической теории. Повторимся, что «выбор для презентации формы реферативного обзора методологически обусловлен необходимостью сохранения авторской актуализации и технологии обоснования возврата к «сотрудничеству» экономической теории и философии для проблематизации и выработки авторской методологии, адекватной требованиям к теории, выставляемым современным состоянием хозяйственных систем» [там же, с. 261], для реализации выдвинутой В.П. гипотезы. Одновременно – связан с желанием обратить внимание читателей на скрупулезный и квалифицированный анализ В.П. Федоровым научных источников, авторов разных научных направлений и школ при сохранении рамок предмета исследования, с представлением всякий раз критерия их сопоставления» [там же].

Ключевые слова: *дихотомия позитивности и нормативности, ловушка позитивности, гипотеза мультимодального синтеза, императивно-должная (нормы) реальность, диспозитивно-должная (стимулы) реальность, расширение предмета экономической теории..*

Кратко напомним: Валерий Петрович Федоров в первых трех главах, последовательно анализирует: 1) уникальную и парадоксальную дилемму между научностью и практичностью, с которой столкнулась экономическая теория, выдвигая гипотезу о том, «что «корни» этой дилеммы тянутся к эпистемологической установке экономистов на уподобление своего предмета естественным наукам», приведшей «к самоидентификации

политической экономии как позитивной теории», и приобретшей статус сакральной заповеди в ортодоксии [1]; 2) становление истории идеи позитивности на рубеже веков, делая вывод об «уникальной эпистемологической ситуации», которую В.П. Федоров обозначил «метафорой ловушки позитивности»; 3) философские споры вокруг обоснования позитивистского выбора экономической теории, позволившие автору сформировать мнение о том, что в экономической теории допущена «фундаментальная логическая ошибка, которая декларировала ненаучность такой модальности как долженствование для экономической теории, что обособило теорию от практики, канонизировав стандарт анализа гипотетической реальности» [5, с. 69].

Глава 4 «Метанорма: критерий практичности теории» тоже посвящена истории идей позитивности. Тогда встает вопрос, почему мы не включили ее в первую часть обзора? Дело в том, что в этой главе В.П. Федоров комментирует свою характеристику ситуации с экономической теорией после Первой мировой войны как научный кризис, суть которого автор видит в том, что «оказался под угрозой смысл ее существования» [там же, с. 71]. Автор проблематизирует эту характеристику, утверждая, что «...этот смысл не может находиться внутри теоретического дискурса» [там же]. Этим смыслом, как поясняет В.П. Федоров, «... был миропорядок, основанный на началах частных интересов, которые «невидимой рукой» приводятся к общественной пользе; миропорядок, который менее чем за век продемонстрировал феноменальные результаты в экономике, создав режим наибольшего благоприятствования для промышленной революции, которая, в свою очередь, кардинально подняла производительность труда и уровень жизни» [там же]. Но, начиная с 1918 год все явственнее стало обнаруживаться, что рушатся не только империи, но и общий мировой порядок, – «... никто не мог достоверно предсказать масштабы и перспективы мировой революции, призывы к которой неслись из России» [5, с. 71]. Ссылаясь на меткую метафору Фрэнка Хана, автор делает вывод: «Легендарная «невидимая рука» вдруг оказалась «парализованной». Экономисты-теоретики очутились в ситуации возможной утраты предмета своей науки.

В опорных пунктах этой главы, а именно: «Кризис смысла», «Невидимая рука», «Двойная тяга», «Спонтанный либеральный порядок», «Монополизация и социализм», «Либеральный социальный порядок», последовательно раскрывается замысел автора. Так, в третьем подпункте «Двойная тяга», отталкиваясь от научного осмысления кризиса науки учениками Макса Вебера – Макса Шелера и Карла Мангейма, В.П. Федоров останавливается на трактовке взаимодействия метафизического и позитивного знания. В частности, подход Шелера для автора «интересен с двух точек зрения. Во-первых, он позволяет рассмотреть релевантную гипотезу процесса, в рамках которого возникла и укоренилась идея «невидимой руки», а, во-вторых, он может помочь объяснить статус этой идеи как абсолютной ценности для позитивной теории» [5, с. 76].

И далее В.П. Федоров вводит важное положение для всего своего исследования: «Соответственно своему рождению в рамках метафизического познания эта идея как абсолютная ценность становится для экономической теории базисной мировоззренческой установкой, философским кредо, метафизической нормой (для краткости – мета-нормой) ... Экономическая теория как позитивная наука остается свободной от ценностей. Мета-норма существует как внешняя, независимая и не влияющая на результаты научного поиска реальность. Но при этом она формирует ценностный базис и ценностные границы исследований» [там же, с. 77].

Почему это важно? Да потому, что это создает своеобразную иллюзию о своем предмете у экономистов-теоретиков как о естественном и вечном. «И только в период экзистенциальных кризисов жизнь убеждает их в обратном. А именно в том, что предмет их анализа не естественная, а иная по природе (кстати, более сложная) реальность, в основе которой лежит фундаментальная норма, которая «пронизывает» скрытым долженствованием сущую реальность» [там же].

Развивая подход Мангейма, на наш взгляд, В.П. Федоров актуализирует положения, значимые для современного этапа кризиса экономической теории:

✓ «Устаревание мета-нормы, опоздание с её модернизацией является явным признаком внутреннего кризиса в обществе. А для теории уничтожение, а тем более замещение мета-нормы в обществе является катастрофой, утратой части или всей ценности её существования. ...

✓ Экономическая теория формулирует рациональные основания для обновления мета-нормы, выдвигая аргументы и концепции в её обоснование. Но одних экономических аргументов недостаточно. Нужна «двойная тяга». Необходим философский, метафизический прорыв – новое «видение»¹[там же, 78].

✓ ... «если для прикладной экономической науки критерием практичности является использование её выводов и рекомендаций в практике хозяйствования, то принципиально иначе обстоит дело для экономической теории. Для неё критерием практичности является *работа по углублению рациональных оснований принятой в обществе мета-нормы*» (выделено нами) [5, с. 79].

Последующие три подпункта «Спонтанный либеральный порядок», «Монополизация и социализм», «Либеральный социальный порядок» посвящены принципиальной эволюции «видений» в качестве иллюстрации изменения «мета-нормы». Анализируя социалистический этап в развитии нашей страны, автор замечает «советский социализм не был исторической случайностью, уникальным российским «срывом» в историческое безвременье, а был формой проявления глобальной тенденции к социализации, с одной стороны, и кризиса идеи либерализма, с другой» [5, с. 86].

¹ Введено понятие «видение» в экономический теоретический дискурс Йозефом Шумпетером

Итогом Главы 4 является вывод автора о том, что «в рамках пост-религиозного, светского этапа существования цивилизации можно выделить историческую последовательность (с параллельным наложением альтернативного видения) двух мета-норм – спонтанного либерального порядка и либерального социального порядка...» [там же, с. 86].

И второй вывод, важный для реализации авторской концепции, состоит в том, что «выделение понятия мета-нормы позволяет подчеркнуть одно из принципиальных отличий экономической теории от естественных наук. Если предмет последних существует вечно, то предмет экономической науки – исторически ограничен. Он обусловлен принятой мета-нормой и в случае утраты последней может (в пределе) просто исчезнуть, или существенно трансформироваться (в паллиативном варианте)» [там же, с. 89].

Наконец, вывод о значении введения понятия «видение»: «... даже, если экономическая теория аттестует себя как позитивную теорию, она обязана учитывать эту базисную нормативную основу своего существования. Адекватная аналитическая поддержка видения является критерием практичности экономической теории» [там же].

Глава 5 «Еретики позитивистской веры: Вебер, Мизес, Кейнс» содержательно представляет анализ взглядов экономистов Макса Вебера, Джона Мейнарда Кейнса и Людвиг фон Мизеса, имеющих особое мнение по поводу позитивной экономической теории, внесших «свою лепту в формирование нового видения капитализма» ... При этом, по мнению автора, «каждый из них – это отдельная научная вселенная ... И ортодоксию каждый из них «преступал» по-своему, руководствуясь уникальными мотивами в уникальных обстоятельствах» [там же, с. 107].

Данная глава интересна будет читателям авторским взглядом на вклад ученых в экономическую науку. Только уже простой перечень названий подпунктов этой главы, по нашему мнению, вызовет любопытство и привлечет к обращению к ее страницам: «Verstehen: третий путь», «Wertfreiheit: загадочная свобода», «Невозможность социализма», «Дон Кихот либерализма», «Еретики, соблюдавший приличия», «Многомерность кейнсианства».

Подводя итог проведенному анализу, В.П. Федоров в логике своей ключевой идеи и гипотезы, выходит на проблему «расширение предмета до мультимодального»:

1) «... методология позитивной экономической теории очень часто не разделялась её великими представителями. В альтернативные теории этот критический потенциал выплеснулся в результате глобальной катастрофы, с которой столкнулась цивилизация после Первой мировой войны ...

2) ...если проект понимающей социологии Макса Вебера ещё можно (хотя и не полностью) отнести на предкризисные предчувствия, то идеи Людвиг фон Мизеса и Джона Мейнарда Кейнса являются прямой реакцией на кризис экономической теории, последовавший с крахом видения капитализма как спонтанного либерального порядка ...

3) Перед лицом экзистенциального кризиса экономическая теория продемонстрировала способность вырваться из «ловушки» позитивности. Но эти усилия, с одной стороны, привели к закреплению

статуса самостоятельной науки – социологии, а с другой, уже, собственно, в рамках экономической теории, потребовали де-факто отказа от догмы позитивности и расширение предмета до мультимодального. При этом де-юре от своего позитивного статуса экономическая теория не отказалась» [5, с. 106].

Глава 6 «Позитивные и негативные смыслы позитивности» раскрывает читателям логический смысл и последствия позитивистского самоопределения, «позитивного самоограничения, как бы вырываясь из исторически сложившейся ловушки»... В ней читатель получит ответы на поставленные автором вопросы: «Сохранила ли эта демаркация научности и ненаучности нейтральный характер? Или наряду с элементами упорядочивания и дисциплинирования научного поиска она несла и негативные смыслы, которые объективно ограничили прогресс знания? Возможна ли относительно объективная оценка баланса плюсов и минусов этого подхода? И какие выводы можно будет сделать из этого оценочного суждения?» [там же, с. 107–108]. Этим определяется логика данной главы и содержание ее подпунктов: Условная позитивность, Позитивные смыслы позитивности, Негативные смыслы позитивности.

Обратим внимание на первый подпункт, раскрывающий введение термина «условная позитивность», в которой, по мнению автора, оказалась политическая экономия.

Опираясь на предыдущий анализ, В.П. Федоров вводит трактовку позитивизма политической экономии²: «Позитивизм был маркером особого видения предмета политической экономии, при котором под спудом субъективной деятельности, целей и интересов, спонтанно возникшей и сознательно учрежденной совокупности норм, правил и принятых управленческих решений находится скрытая объективная реальность, управляемая объективными законами («невидимая рука»); задача политической экономии открыть эти законы, добыв аналитический инструмент предсказания и объяснения» [5, с. 108].

При этом, по мнению автора, использование названия, введенного Контом применительно к своей философской системе, к содержанию, отличному от контовского позитивизма, «создавали отдельную проблему». С одной стороны, «... потребовалось самостоятельное философское «позиционирование» доктрины...», а с другой, – «политической экономии приходилось защищаться от претензий иных философских школ, которые не очень вдаваясь в нюансы, атаковали контовский позитивизм, полагая что атакуют философский базис политической экономии». Это в свою очередь порождало методологическую проблему позиционирования – корректного определения линии «водораздела». «Содержательную проблему формирует ... пограничная зона» [там же, с. 109].

Авторская версия ключевых элементов данной проблемы имеет для главной идеи и гипотезы Книги принципиальное значение. Суть их в следующем:

² «... название было ранее использовано Контом для собственной философской системы ...» [3, с.108].

✓ «Во-первых, как бы мы в рамках теоретического анализа не объективировали (овеществляли) предмет, рассуждая о богатстве, капитале, прибыли и т. п., нам не дано забыть, что изучаем мы на самом деле деятельность людей, наделенных сознанием и волей». . . Но, «для того, чтобы развертывание объективных форм стало возможным, надо принять в качестве предварительного условия определенную совокупность допущений по акторам экономики, которые (допущения) трансформируют сущее в условную реальность» . . . «мы принимаем допущение, что человек должен (и, скорее всего, в большинстве случаев будет) вести себя так-то и так-то» . . . «в результате, сущая реальность становится условно должной» [там же, с. 109];

✓ «Во-вторых, конструируя абстрактные теоретические модели, развертывая дедуктивные цепочки доказательства, экономисты неизбежно сталкиваются с необходимостью верификации своих выводов» . . . Но «где взять «чистые» позитивные факты, без нормативной «примеси»? Поэтому, любой теоретик оказывается перед дилеммой, либо воспринимать тезис о сугубой позитивности теории как риторику, в лучшем случае как «мягкое» нормативное правило, на которое следует ориентироваться, не относясь к нему как к буквальному императиву, либо сдвигаться в своей работе в сферу чистой теории, исключительной абстракции и моделирования условной реальности, оставляя прикладную часть работы кому-то иному» [там же, с. 109–110].

✓ В-третьих, тезис о позитивности экономической теории в миллевской редакции дифференцировал исследование *сущей реальности и рассуждения о развитии экономических систем* (выделено нами) . . . Рассуждения об альтернативах либеральному капитализму – реальных или мнимых – отодвигались в сферу долженствования, субъективного целеполагания, ценностных установок. Этой реальности пока не существовало, а следовательно, эти темы позитивная экономическая теория может игнорировать. *Теория неизбежно становилась статичной*» (выделено нами) [5, с. 110].

Выводом из этой главы следует тезис о том, что «называя себя позитивной теорией, политическая экономия оказывалась в ситуации условной (гипотетической) позитивности, баланс плюсов и минусов которой был далеко не очевиден» [там же, с. 117].

Развитием вывода являются два последующих подпункта, посвященных анализу позитивных и негативных смыслов позитивистской самоидентификации экономической теории, результатом которого является авторский вывод об историческом балансе этих смыслов.

К плюсам можно отнести «ориентацию на моделирование идеальных состояний, которые могут быть логически обоснованным ядром системных инноваций в экономике (например, кейнсианство, монетаризм). К минусам – «отчуждение от анализа гипотетически возможных перспектив развития и гипертрофированная концентрация на поиске «священного Грааля» – совершенной конкуренции» [там же, с. 111–117, 121].

Специалисты по экономической теории, да и не только они, могут почерпнуть в этой части главы много полезного, в чем-то противоречивого, но главное – инициирующего размышления на предложенную тему. Однако рамки и идея статьи как презентации вынуждает акцентировать внимание на выводах главы, развивающих и подготавливающих читателя к реализации ключевой идеи Книги:

✓ «Зачастую вопреки своему выбору, переступая через границы самоопределения, экономическая наука утвердила свой высший авторитет как систему знания наилучшим образом, объясняющую закономерности функционирования рыночной экономики» ...;

✓ «Но чем далее, тем более настоятельным становится критическая переоценка позитивистского выбора. Всё чаще экономическая теория оказывается в растерянности перед практическими проблемами общества» ...;

✓ «Осталось только предложить разумную альтернативу» ... [там же, с. 117].

Глава 7 «Мультимодальный синтез» опирается на выводы, сделанные автором в анализе предыдущих глав, посвященных истории и логики идей позитивной экономической теории, доказывающих, по мнению автора, «три первых тезиса авторской гипотезы»: «во-первых, что экономическая теория – это особенная дедуктивная наука, методы которой не тождественны методам естественных наук, во-вторых, что трактовку экономической теории как позитивной науки следует рассматривать как научную архаику, оставить в истории, которую можно только отказавшись от дихотомии позитивности и нормативности в её методологии и, наконец, в-третьих, что принятие двух предыдущих тезисов абсолютно совместимо с сохранением категориального ядра неоклассической теории, на основе которого и предлагается совершить расширение предмета (выделено нами)» [5, с. 118].

Поэтому в Главе 7 излагаются общая логика и научный контекст содержания и сущности идей модального расширения, что и отражает ее структура, представленная подпунктами: «Гипотеза мультимодального синтеза», «Исторический прецедент синтеза», «Целевая установка – эффективность».

Легитимизация норм как имманентной составляющей предмета экономической теории рассматривается В.П. Федоровым как первый шаг модального расширения её предмета. «Норму целесообразно трактовать как самую общую уже экономическую категорию сферы долженствования. Обычай, традиции и правила конкретизируют норму в функциональном (процессуальном) смысле... Таким образом, *правило – это процессуально конкретизированная норма*. Соответственно, институты целесообразно рассматривать как составные комплексы обычаев, традиций и правил» (выделено нами) [там же, с. 120].

Еще один пласт реальности, с неизбежностью опосредующий экономическую жизнь общества, – это стимулы. По мнению автора, они должны в полном объеме быть предметом экономического анализа,

несмотря на то, что «... стимулы не «привязаны» к властным центрам общества, источники их происхождения максимально дисперсны. К тому же, если нормы, правила и институты относительно статичны, то *стимулы максимально динамичны* и (выделено нами)» [там же, с. 120]. Более того, «...чем более общество становится свободным, тем большую роль начинают играть стимулы. ... по мере увеличения материального богатства и закрепления навыков гарантированного и эффективного хозяйствования увеличивается степень свободы в жизни общества. И долженствование дополняется более «мягкой», свободной формой принуждения к сотрудничеству – стимулированием. Как сказал бы философ, императивное долженствование дополняется диспозитивным» [там же, с. 120].

Вывод, к которому приходит ученый, состоит в том, что «именно осознанное включение в предмет анализа таких граней структуры реальности как нормы и стимулы позволит преодолеть чрезмерную и необоснованную объективизацию экономических отношений, позволит вернуть субъекту и субъективности их надлежащее место в анализе экономических отношений» ... Тем более, что «нормы и стимулы как кванты информации, которые возникают, воспроизводятся и умирают с определенной закономерностью, будет ещё одним признанием ключевой роли информации в жизни общества, которое постепенно становится общепризнанным» [5, с. 121].

Не вступая в дискуссию, заметим, что скорее корректнее говорить о субъектном подходе к исследованию экономических отношений, который может быть субъектно-объективным и субъектно-субъективным. Но это уже предмет дискуссии.

По итогам Главы 7 и с опорой на предыдущий анализ В.П. Федоров в РЕЗЮМЕ к Части I формулирует суть Гипотезы:

✓ «экономическая теория не может рассматриваться как естественная наука, что обусловлено имманентной и не устранимой субъективностью её акторов. Поэтому в отличие от, например, физики исходный элемент её алгоритма не причина, а мотив;

✓ экономическая теория должна отвергнуть дихотомию «позитивность – нормативность» как исторически пройденный этап развития науки. Соответственно, она должна «официально» вернуть нормы в предмет своего анализа;

✓ более того, расширение предмета касается не только норм (сферы императивного долженствования), но и стимулов (ключевого элемента сферы диспозитивного долженствования). В совокупности эта корректировка предмета экономической теории может быть охарактеризована как модальное расширение или мультимодальный синтез;

✓ практический смысл мультимодального синтеза состоит в изменении принципиального целевого алгоритма науки. Он должен заключаться не в попытках ретроспективного объяснения и перспективного предсказания, а в создании итерационного процесса по конкурентному конструированию систем норм и стимулов и их оптимизации по мере

получения обратной связи о сравнительной эффективности функционирования этих систем» [там же, с. 130–131].

Часть II «Субъект» Книги направлена на раскрытие гипотез о категориальном обосновании Гипотезы мультимодального синтеза. Название части неслучайно. Субъект экономики – главное действующее лицо, принимающее и реализующее свои хозяйственные решения. Отсюда В.П. Федоров ставит перед собой цель для исследования в этой части работы попытаться *«собрать всю совокупность категорий, которыми традиционно описывается субъект в экономике, и попробовать представить их как взаимосвязанную систему со своей внутренней логикой и эвристически значимыми переходами к объективным формам»* (выделено нами) [там же, с. 132]. Поэтому в первую очередь презентуем логику изложения глав этой части: Глава 8 «*Homo oeconomicus vs. Homo sapiens*», Глава 9 «Закон и норма: сущая и должная необходимость», Глава 10 «Субъективна полезность как объективная ценность», Глава 11 «Интерес частный и общий», Глава 12 «Стимул: ключ к заинтересованности».

Выдвижение гипотезы мультимодального синтеза потребовало введение адекватного ее ключевой идее статуса субъекта в экономической теории.

Глава 8 «*Homo oeconomicus vs. Homo sapiens*» и посвящена предложению автора по решению этой задачи. Как известно из микроэкономики, согласно мейнстрима статус субъекта определен на основе двух ключевых предпосылок – индивидуализма и рационализма, соответствующих человеку экономическому, который выступает как рациональный максимизатор полезности. В.П. Федоров последовательно через ряд подпунктов выводит свою версию статуса субъекта: «Рациональная максимизация?», «Рождение «героя», «Спорная приверженность», «Гипотеза совокупной рациональности», «Двуликий Янус». Безусловно, интересно ведение заочной дискуссии с авторами, причастными к главным идеям мейнстрима, интересен и сам доказательный процесс прихода автора к заявленной гипотезе о новом статусе субъекта, но оставим это читателям. Остановимся на выводах, к которым приходит ученый по данной проблеме, реализуя идею перехода в анализе от статичного подхода к динамическому (выделено нами):

1. «... доказательство индивидуальной рациональности всегда и во всем – это ложная научная цепь. Человек был, есть и будет только в меру рациональным. Её уровень возрастает, но достижение абсолютной рациональности сродни достижению линии горизонта. В то же время без поведенческой рациональности нет экономической науки! ...» [5, с. 133–141];

2. «...предлагаем альтернативную гипотезу совокупной рациональности...«... в реальной действительности складывается нормальное распределение рациональности в обществе, а в динамике происходит взаимное научение рациональности и возрастание её уровня» [3, с. 215]. «... гипотетическое возрастание уровня рациональности не означает её усреднения в обществе. Лидеры уходят дальше. Появляются новые

аутсайдеры. Сам этот процесс – как и процесс познания – бесконечен. В конце концов, мы понимаем, что рациональность всегда относительна» [5, с. 143];

3. Гипотеза совокупной рациональности позволяет рассматривать Homo oeconomicus «... не условной абстракцией реального человека, и не временной аппроксимацией, а целевой ориентацией Homo sapiens. Реальный человек (как тип) не является, а только должен быть человеком экономическим... Таким образом, мы предлагаем рассматривать Homo oeconomicus не как гносеологическую или онтологическую, а как модальную категорию, как категорию сферы субъективного долженствования» [там же, с. 143].

Глава 9 «Закон и норма: сущая и должная необходимость» вводит читателей в интересные размышления автора по вопросу о целеполагающем субъекте как объекте анализа, с одной стороны, и реальности общепринятой установки о существовании объективных законов, которые детерминируют целеполагающую деятельность, – с другой. Как цель встраивается в структуру связи «причина–следствие»?

Анализ, представленный в подпунктах главы: «Ощущение закономерного порядка», «Немецкая оппозиция», «Теоремы вместо законов», «Нормативный «якорь»», «Нормы как законы» позволяют автору изложить аргументы в пользу гипотезы о необходимости замещения законов нормами, как форм должной необходимости.

По мнению В.П. Федорова, «... экономическая теория, несмотря на многовековые усилия, не смогла доказать обоснованность изначально принятой эпистемологической установки о подобии естественным наукам. Поиск экономических законов как объективно сущих реальностей не увенчался успехом. Но научным крахом ознаменовалась и немецкая альтернатива классической политической экономии» [5, с. 164]. Этим автор объясняет трансформацию позитивной теории в квазианалитическую науку в рамках неоклассического синтеза, походившую на лишь слегка замаскированную математику с гипотетическим характером её выводов.

Предлагая альтернативу замещения законов нормами, ученый, обращает внимание на то, что такое предложение «предполагает предварительный отказ от дихотомии должного и сущего. Но в качестве принципиального «бонуса» оно принесет разворот экономической теории от гипотетического моделирования к реальной практике» [там же, с. 147–164].

Однако реализация гипотезы модального расширения предмета экономической теории, ключевой авторской идеи о ее развороте к практике потребовала, по мнению В.П. Федорова, «...радикально раздвинуть горизонт нашего видения. Предметом анализа станет не только сущая, но и должная и могущая быть реальность» [там же, с. 165]. Поэтому автор обращается к «... такой категории как субъективная полезность. Метаморфозы её статуса в теории идеально иллюстрируют суть обсуждаемых альтернатив» [там же].

Глава 10 «Субъективная полезность как объективная ценность» раскрывает замысел автора доказать, что «... у нас нет никаких оснований

отказываться от анализа функции субъективной полезности и ограничиваться только статистически наблюдаемыми фактами» [там же, с. 179] в случае, если от статистики сущего перейти к деятельной организации экономики, учитывающей мотивацию субъектов. Но это возможно, если исследователя интересует «не только происхождение цены и равновесность сложившейся ситуации, но и интенсивность, глубина, мощь мотивации акторов рынка» [там же]. Этим объясняется и структура главы, включающая следующие подпункты: «Между этикой и психологией», «Equilibrium vs. dynamics³», «Кривая безразличия», «Назад к психологии?», «Функция полезности».

В этой главе последовательно рассматривается путь жизни экономической теории от ситуации маржинальной революции в позитивной экономической теории, которая «с помощью идеи субъективной полезности развернула теорию от объективных форм к субъекту», через контрреволюцию, «ядром которой стал обратный разворот к объективности посредством переключения от субъективной полезности к статистически наблюдаемым фактам предпочтений потребителей» [5, с. 165–179].

И снова призываем читателей, внимательно прочитать предложенный обзор и комментарии автора анализируемых теорий, т.к. это поможет самоопределиться к выводу, сделанному им в конце главы. А именно: «Позитивная теория не желала погружаться во внутренний мир субъекта. Она желала математизации и операционной прозрачности. Но при этом она упустила нечто очень важное. Интенсивность желаний субъектов. Абсолютизация исследования равновесия вступила в противоречие с анализом динамизма экономической системы, её скрытой мощи и нереализованных стимулов» [там же, с. 179].

Логическим следствием из этого вывода является авторская гипотеза о том, что «... возврат в действующий арсенал теории функции субъективной полезности не означает возврат к проблемам межличностных сравнений и измерения полезности. Это будет не столько психологически разворот, сколько модальный. Он позволит добиться объемного представления всех граней модальности, которые проявляются в реальной экономике. Не только сущей, но и должной, и могущей быть» [там же].

В ходе анализа проблемы субъекта и субъективности В.П. Федоров разворачивал содержание своей гипотезы через узловые точки, определяемые категориями «потребность» – «полезность» – «ценность», ибо «этот теоретический вектор был и остается для экономистов главным. Но не единственным» [там же, с. 180]. Логично было поставить проблему «интереса», которой и посвящена:

³Равновесие против динамики (англ.).

Глава 11 «Интерес частный и общий», представленная структурно в следующих подпунктах: «Плутовское понятие», «Пароль третьего сословия», «Интерес как потребность», «Общности и собственный интерес», «Матрица общих интересов».

Знакомство с Главой разворачивает картину авторского восприятия исторических перипетий возникновения понятия «интерес» и логической реконструкции смысла его научного существования с позиции ключевой гипотезы исследования.

Остановимся на ключевых идеях этой главы. Идея 1: Трактовка «... интереса как особой абстрактной потребности в чистом количестве блага, возникающей параллельно становлению обмена, денежной экономики и имеющей своим объектом изначально деньги, а потом и непосредственно время». Идея 2: «Интерес занимает принципиально важное место в структуре мотивационного комплекса современного человека, оформляя систему его потребностей для рыночного взаимодействия в обществе». Идея 3: «Общность – естественная потребность человека. Именно поэтому потерпели исторических крах практики, которые абсолютизировали крайности: либо частные, либо общие интересы. Собственный интерес человека оказывается противоречивым единством его частного интереса и открытого множества общих интересов тех общностей, с которыми он себя идентифицирует. Поэтому анализ системы интересов не может быть сведен к взаимодействию частных интересов, а предполагает исследование всей матрицы общих интересов» (выделено нами) [5, с. 180–194]. Тем самым Глава подготавливает к исследованию ключевого понятия для всей Книги – понятию «стимул», «ибо в рыночной экономике объектом стимулирования являются именно интересы» [там же, с. 194].

Глава 12. «Стимул: ключ к заинтересованности» опирается на самое общее авторское представление о стимуле как предложении «от некоего субъекта открытому множеству других субъектов, потенциальных адресатов». В ней последовательно В.П. Федоров пытается ответить на ряд принципиальных вопросов: «Каким образом этот сигнал коммуницирует с интересами своих адресатов? Что возникает в итоге?» [там же, с. 195]. Предметом настоящей главы является именно анализ «стимулов как уникальной системы коммуникации» [там же], разворачиваемым в следующих подпунктах: «Уходя от наивности», «Узловая» категория, «Структура стимула», «Тайна заинтересованности», «Отрицательная заинтересованность», «Макростимуль», «Метастимуляль».

Интригующее название «Уходя от наивности» раскрывается при анализе взаимодействия субъектов в вещном мире, как считает автор, одним из самых выдающихся философов XX века – немецкого философа Эдмунда Гуссерля. «Начиная с работы над книгой «Идеи к чистой феноменологии», философ посчитает необходимым перейти от анализа познания объективного (вещного) мира к истолкованию его внутренней логики и поиску абсолютных основ, от эмпирической к чистой феноменологии [там же, с. 197]» [2].

Для В.П. Федорова оказывается важным предложенный Гуссерлем уход «от наивности позитивных наук...» через особую мыслительную процедуру – феноменологическую редукцию, результатом которой станет изящная абстрактная «модель социального взаимодействия в обществе с целью достоверного познания вещного мира» [5, с. 198].

Встает вопрос почему? Давая собственное видение модели, автор формулирует несколько принципиальных тезисов для дальнейшей ее конкретной интерпретации с целью достоверного определения стимулов как абстрактного взаимодействия субъектов в вещном мире. Назовем их: «Во-первых, в процессе познания субъект создает феноменальную копию объективного мира. Во-вторых, эта копия уникальна и динамична. В-третьих, феноменальный мир субъекта обусловлен параметрами его личности; он зависит от знаний и навыков, которыми владеет человек, и от ценностей и смыслов, которым он придает значение. В-четвертых, все феномены не являются просто «зеркальными» отражениями реальных объектов; они сопряжены с различными гранями модальности человеческого бытия; они могут быть феноменами суждения, желания, воли и т.п. В-пятых, человек воспринимает другого человека как «другое Я», признавая за ним ту же суть, которой обладает сам; ... В-шестых, трансцендентальность субъектов определяет возможность, а разнообразие эмпирического феноменального мира – целесообразность формирования общего феноменального мира и непрерывного обмена внутри него» [там же, с. 198–199].

Поэтому неслучайно следующий подпункт посвящен стимулу как узловой категории. Следуя за автором, попробуем проследить формирование им трактовки стимула и элементарного алгоритма стимулирования.

Логику прихода к трактовке стимула можно представить в виде ряда последовательных авторских тезисов:

✓ «в первом приближении стимул представляется как некий сигнал от одного субъекта открытому множеству других субъектов, потенциальных адресатов стимула;

✓ стимул непосредственно не овеществляется и, в то же время, его нельзя отнести исключительно к субъективному миру человека. Он оказывается «между» в двойном смысле: между субъектами и между идеальным и вещным миром;

✓ мы можем назвать стимулы информационной сигнальной системой оперативной экономической коммуникации;

✓ стимул – не просто информация, это модальное предложение, информация о том, что субъект может сделать. Их ключевое свойство как средства коммуникации – свобода выбора;

✓ стимул в отличие от нормы, форма не императивного, а диспозитивного долженствования, его суть передает модальность не «должного», а «того, что можно»;

✓ наличие или отсутствие реакции на стимул, как и содержание реакции – это право, а не обязанность субъекта» [5, с. 199].

Итогом становится вывод автора: «... мы предлагаем трактовку стимула как составной части феноменального мира, причем той его части, которая выходит за рамки внутреннего мира субъекта и формирует область социальной и экономической коммуникации, протекающей как обмен феноменами» [там же].

При этом В.П. Федоров делает замечание: «... изучать оборот информации в экономике можно в рамках разных методологий». Специфика авторского подхода – «акцент именно на стимулы как «узловую» категорию информационного обмена» [там же, с. 201].

Подводя итог анализу в это части Главы 12, автор обращает внимание читателей на место стимулов в экономической системе, отмечая его уникальность: «... они оказываются сложно организованной, с прямыми и обратными связями, динамической и циклической информационной системой. Стимулы формируют оперативную сигнальную систему экономики. Они субъективны по источникам и адресатам, но их конкурентоспособное ядро находит своих интересантов и объективируется в сделках, а неконкурентоспособная периферия умирает. Эта дифференциация образует обратную связь, которая вместе с исходными информационными сигналами формирует непрерывный оборот информации в рамках воспроизводимого цикла стимулирования» [там же].

Подпункт «Структура стимула» дополняет авторский подход к теории стимулов через раскрытие определенного и уникального структурирования стимула как модального кванта информации. Авторская позиция состоит в следующем: «... стимул характеризуется имманентной двойственностью: он одновременно информирует о желаемом (целевом) результате и о сопряженных с ним затратах ... стимул как элемент феноменального мира предстает как квант информации в виде дроби, числитель и знаменатель которой для каждого субъекта предстает как соотношение результата и затрат (с «зеркальным» восприятием на противоположном полюсе), где каждый элемент получает множество субъективных, и постоянно меняющихся во времени оценок потенциально бесконечного множества субъектов. В этом феноменальном потоке оценок рождается принципиально важный феномен для любой экономической системы – заинтересованность» [там же, с. 202–203].

Логично, что следующий подпункт раскрывает тайну заинтересованности. Автор «нащупывает» трактовку заинтересованности через образное сравнение ее с искрой, «которую стимул хочет высечь из интереса. Или, чуть строже, эффективность стимула определяется его способностью трансформировать интерес субъекта в заинтересованность... Возникновение последней означает, что потенциальная энергия субъекта переходит в кинетическую» [5, с. 203].

Но тогда возникает вопрос: «почему ... феномен заинтересованности очень часто ускользает и исчезает? В чем его тайна?» [там же]. Ответ на это вопрос В.П. Федоров видит «в противоречивости интереса субъекта», поясняя, «... каждый субъект является носителем собственного интереса, который является противоречивым единством частного интереса и

совокупности общих интересов, соответствующих тем общностям, с которыми субъект себя идентифицирует. Именно противоречие между частными и общими интересами является принципиальной проблемой для стимулирования» [там же, с. 203].

Ключ к разгадке, по мнению автора, состоит в том, что «Разные грани мотивационного комплекса субъекта реагируют на различные стимулы. Стимул, ориентированный на частный интерес, сталкивается со стимулами или нормами, направленными на общие интересы. Феномен же заинтересованности является векторным результатом действия всех стимулов и норм. Поэтому итоговый результат может быть трудно предсказуемым. Доминирующей мотивацией может быть разного рода энтузиазм, а может стать апатия и безразличие, и даже, протест и агрессия» [там же, с. 203–204].

В связи с этим принципиален авторский вывод о постоянной работе «над системой стимулов и норм с целью поддержания разумного баланса в ориентировании как на те, так и на другие. Абсолютизация любого начала будет не конструктивной» [там же, с. 204]. Именно поэтому в следующем подпункте исследователь останавливается на примерах *отрицательной рациональности*.

Мы не будем останавливаться на примерах, сделаем лишь два комментария. Во-первых, важным для понимания примеров является положение, из которого исходит автор: «стимул предполагает свободу выбора субъекта-адресата либо в максимизации результата, либо в минимизации затрат. Сам по себе стимул фиксирует только соотношение между этими величинами... Вариации стимулов могут предлагать фиксацию как минимум одного из параметров как величины постоянной. В этом случае субъект-адресат в случае заинтересованности либо максимизирует результат, либо минимизирует затраты. Первый вариант положительной заинтересованности является основным и представляет норму эффективно работающей экономики» ... Второй вариант автор определяет «как отрицательную заинтересованность» [там же, с. 204–205].

Второй наш комментарий, обращает внимание читателей на замечание автора о том, что «отрицательная заинтересованность *не тождественна незаинтересованности (выделено нами)*. В последнем случае субъект просто игнорирует данный стимул и выбирает ... другой. А случай отрицательной заинтересованности связан с ситуациями, когда стимул не может быть по тем или иным причинам проигнорирован. Либо субъект не свободен в выборе, либо он более заинтересован в сохранении *status quo*, нежели в переменах. Отрицательная заинтересованность ... это неизбежный элемент любой экономической системы. Вопрос в её удельном весе и возможности доминирования в обществе. Она относительно терпима как краткосрочное и локальное явление. При доминировании в долгосрочной перспективе она неизбежно приведет к исторической неконкурентоспособности экономической системы (или организации)» [5, с. 206]. Поэтому «нужна повседневная и тщательная работа над системой

стимулов для минимизации масштабов отрицательной заинтересованности [там же, с. 207].

Переходя к презентации двух последних подпунктов «Макростимулы» и «Метастимулы», заметим, что в них автор представляет свою классификацию стимулов, вводя соответствующий критерий – целевая ориентация. Например, в подпункте «Макростимулы», автор вводит в модель *государство* с его функциями и институтами, как источника норм, становящихся стимулами определенного поведения, а также наделенного значительными исполнительными компетенциями, которые государство реализует, проводя различные политики. По мнению В.П. Федорова, «... поток решений государства (имея нормы в качестве своего ядра) становится существенной частью общего феноменального потока стимулов, которые воспринимаются акторами экономики и которые в идеале должны вызывать положительную заинтересованность» [там же]. Другими словами, это дает основание рассматривать «... особый алгоритм работы государства как источника стимулов», суть особенности которого в целевой ориентации «не на сделку с конкретным субъектом, а на формирование заинтересованности в воспроизводстве норм, правил и институтов функционирования экономической системы. Это общие стимулы, направленные на частные интересы». Стимулы такого рода автор предлагает «выделить в специальную рубрику и характеризовать в дальнейшем как макростимулы» [там же]. «Успешная деятельность государства формирует положительную заинтересованность и измеряется её масштабами. Управленческий провал характеризуется отрицательной заинтересованностью и также измеряется её масштабами. Специфической формой такой заинтересованности становится встречный феноменальный *поток ожиданий*. Таким образом, эти феномены целесообразно для симметрии характеризовать как макро-заинтересованность» (*выделено нами*) [там же, с. 207–208].

Обратим внимание, что ученый, анализируя поток ожиданий подчеркивает, что «все общие характеристики стимулов в полном объеме распространяются на ожидания. Они являются частью феноменального потока в экономике и потенциально могут вести как к положительной, так и к отрицательной макро-заинтересованности ... Безусловно, каждый субъект индивидуализирует ожидания. Но только исключительные личности способны ориентироваться на личные ожидания, игнорируя общепринятый феноменальный поток» [5, с. 209]. Отсюда и итоговый вывод автора: «Реальные ожидания далеко не всегда и не в полном объеме рациональны. Но они тем более рациональны, чем более предсказуема и последовательна политика власти. Рациональные решения власти стимулируют положительную заинтересованность. Наоборот, нерациональные метания провоцируют отрицательную заинтересованность. Ибо, именно стимулы являются ключом к заинтересованности [там же]».

Обычные стимулы, «... целью которых является заключение конкретной сделки, будет целесообразно определить как микростимулы» [там же, с. 207]. Как видно, понятия микро- и макростимулов отражают коммуникацию частных и общих стимулов с частными интересами. Но

естественно возникают вопросы, если «субъект ... вместе с частным интересом является носителем открытой и подвижной совокупности общих интересов... кто выступает субъектом стимулирования общих интересов?... что это за стимулы, которые апеллируют к общим интересам? Вокруг чего строится стимулирование и что возникает как ответная реакция в итоге? [там же, с. 210].

Авторские ответы на эти вопросы содержатся в подпункте «Метастикулы». По первому вопросу, автор замечает: «Как правило и в доминирующем объеме – государство. Но, как это не удивительно, – не только. Возможна и частная инициатива» [там же, с. 210]. Ответ на второй вопрос потребовал от ученого ряд пояснений. При всем разнообразии общих интересов, они «подвергаются воздействию общих стимулов. 1) Универсальной формой последних являются идеи, а ответной реакцией на них будет такой феномен как доверие. Естественно, что реакцией может быть как положительная – доверие, так и отрицательная – недоверие» ... 2) «Результатом в структуре этого стимула является феноменальное представление об общем благе, а затратами – издержки, которые предлагается понести адресатам стимулирования на содержание субъекта, агитирующего или уже управляющего процессом достижения или поддержания общего благосостояния» ... 3) «Самое неправильное – это воспринимать метастимулы как поток отвлеченных мыслей и концепций о жизни вообще. Напротив, это модально «заряженные» комплексы идей, которые, добившись приемлемого уровня доверия у масс, определяют вполне конкретные желательные модели общественного поведения» ... 4) «Метастикулы – это идеи с огромным потенциалом социальной энергии. В определенной исторической ситуации они становятся доминирующей мотивацией широких масс, и тогда наступают очередные дни, которые потрясают мир. Но и в относительно спокойном состоянии они активно работают» ... 5) «Доверие является необходимой формой заинтересованности в воспроизводстве экономических отношений у каждого человека. А недоверие способно существенно усугублять отрицательную заинтересованность, провоцируя в обществе социальную апатию и деловую безынициативность» [5, с. 210–212].

Завершая главу, посвященную узловой категории, В.П. Федоров еще раз обращает внимание читателей на роль стимула в отражении ключевой специфики социально-экономической жизни. Этот вывод мы не можем проигнорировать в силу ключевой идеи Книги: «стимулы оказались не служебным термином, применяемым для связки слов, а принципиально важной для экономики системой модальной информационной коммуникации ... Стимулы являются ключом к важнейшему итоговому состоянию общества, которое мы определяем как заинтересованность. Положительная заинтересованность – как доминирующее общее феноменальное состояние – является итоговым комплексным маркером экономического здоровья общества. Но стабильное поддержание» ... его «требует постоянной и осознанной работы над системой норм и стимулов, которые направлены на частные и общие интересы членов общества. И

только при достижении согласованного воздействия микро-, макро- и метастимулов, которые создадут единство положительной заинтересованности и благоприятных ожиданий в атмосфере стабильного доверия, на это можно надеяться» [там же, с. 212–213].

В Резюме к Части II и Послесловии, подводя итог исследованию в Первом томе «Общей теории стимулов», В.П. Федоров определяет тематику и ключевую идею Второго тома книги: «Нормы и стимулы будут рассмотрены как относительно автономные реальности, а в завершении предполагается комплексный анализ всей сферы долженствования, в единстве императивной и диспозитивной составляющих. Высший смысл всей этой работы должен состоять в конструировании практически применимого алгоритма оптимизации системы норм и стимулов, имеющий смысл в достижении устойчивой положительной заинтересованности в экономической системе» [там же, с. 217].

Этим автор завершает исследование предлагаемого им мультимодального синтеза.

А мы завершим перечислением тех новых гипотез, которые обозначились в ходе знакомства с этим научным исследованием, в чем-то дискуссионных, но, безусловно, дающих богатую «пищу» для размышления и дискуссии. Это целесообразность и новое использование субъективной полезности; гипотеза субъективной рациональности; и введение нормы как аналога закона в естественных науках, формы должной необходимости в экономике; и авторское уточнение определения экономического интереса; и трактовка собственных интересов как противоречивого единства частного и общих интересов; и содержательная трактовка стимулов, их структуры и классификации; и понимание заинтересованности в единстве положительных и отрицательных форм своего проявления, и новый взгляд на роль информации в хозяйственной жизни общества.

Смею надеяться, что публикация Презентации столь нестандартной работы привлечет к участию в дискуссии о предмете экономической теории.

Список литературы

1. Вон К. «Невидимая рука» // В кн.: «Невидимая рука» рынка [Текст]. М.: ИЗД. дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 226–232.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. [1913] Кн. 1: Общее введение в чистую феноменологию. М.: Акад. Проект, 2009. С. 489.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. [1931] СПб.: «Наука» РАН, 2006. С. 315.
4. Карасева Л.А. «В ЛОВУШКЕ ПОЗИТИВНОСТИ» Презентация монографии Валерия Петровича Федорова «ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СТИМУЛОВ» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 4(60). С. 261–276. DOI 10.26456/2219-1453/2022.4.261-276. – EDN FFRQXF
5. Федоров В.П. «Общая теория стимулов: монография /В.П. Федоров. Москва: КНОРУС, 2021. 218 с.

Об авторе:

КАРАСЁВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru, ORCID:0000-0003-0717-8971, SPIN-код: 7173-0098.

**“TRAPPED IN POSITIVITY”
PRESENTATION OF THE MONOGRAPH BY
VALERY PETROVICH FEDOROV
“GENERAL THEORY OF INCENTIVES”. PART II**

L.A. Karasyova

FGBOU VO “Tver State University”, Tver

In the “Bulletin of TVGu, Series: Economics and Management” No. 4, 2023, the first part of the Presentation of V.P. Fedorov's book “General Theory of Stimuli” [4] was published, it consists of an analysis of the first three chapters, which are fundamentally related to understanding the path to the approach to the hypothesis of multimodal synthesis put forward by V.P. Fedorov, as a direction for the development of economic science. In this material is presented Part II of the Book's abstract review, the purpose of which is to draw the attention of the scientific community to work in which an attempt is made to propose an extension of the subject of economic theory. This is all the more relevant and important as a contribution to the discussion that has unfolded at the current stage about the subject and content of economic theory. We repeat that “the choice for the presentation of the form of an abstract review is methodologically determined by the need to preserve the author's updating and the technology for justifying the return to “cooperation“ of economic theory and philosophy for the problematization and development of the author's methodology, adequate to the requirements for the theory set by the modern state of economic systems” [ibid., p. 261], for the implementation of the put forward VP hypotheses. At the same time - associated with the desire to draw the attention of readers to meticulous and qualified analysis V.P. Fedorov scientific sources, authors of various scientific areas and schools, while maintaining the framework of the research subject, with the presentation each time of the criterion for comparing them “[ibid.]

Keywords: *dichotomy of positivity and normality, positivity trap, multimodal synthesis hypothesis, imperative-proper (norms) reality, dispositive-proper (stimuli) reality, expansion of the subject of economic theory.*

About the author:

KARASJOVA Ljudmila Arshavirovna – doctor of economic Sciences, Professor, head of economic theory Department, Institute of Economics and management, FGBOU VO “Tver State University”, (170100, Russian Federation, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.23

Статья подписана в печать 22.06.23